

За эти полдня все собрали богатый урожай. Помимо Ли Цинвэня и Цзян Цуна, остальные тоже притащили полные мешки сосновых шишек и лесных орехов. Грибов было больше всего — белых, бурых, самых разных видов; многие из них были людям в новинку, и их несли к Ли Цинчжо на опознание.

Кое-кто даже притащил сосновые кряжи, намереваясь наколоть из них лучины, чтобы в будущем не тратить столько сил на разжигание огня.

А вот дичи не добыл никто.

Мешки, взятые в дорогу, были набиты до отказа. Ли Маоцюнь в досаде бил себя кулаками в грудь, коря за то, что не взял больше тары: теперь, когда столько добра оставалось в лесу, он наверняка не сможет спокойно спать еще несколько ночей.

Но едва люди принялись обсуждать, какими крупными уродились в этом году кедровые орехи, как с неба посыпал снег.

Поначалу он был редким и робким. Огонь, в который подбросили сосновые шишки, полыхал так жарко, что мелкие снежинки ему были нипочем. Однако вскоре на землю повалили густые хлопья размером с гусиное перо.

Люди поспешили укрыться в палатках.

Пока остальные оживленно толковали о сегодняшней добыче, в палатку проскользнул Цзян Липин.

— Мы зашли достаточно далеко, — обратился он к Цзян Цуну. — Пора подумать о возвращении.

Цзян Цун кивнул, глядя на хмурое, свинцовое небо за пологом.

— Если через два дня снег не утихнет, выдвигаемся назад.

— В крепости-то делать особо нечего, а здесь еще столько полезного под ногами... — кто-то из каторжан явно не хотел уходить, но тут же поправился: — Впрочем, мне-то что, я голову слушаю. Раз велишь возвращаться — значит, соберемся вмиг.

Ли Маоцюню тоже было жаль бросать лесные богатства, но он благоразумно промолчал. Он не умел ни охотиться, ни находить дорогу в этой бескрайней глуши и понимал, что в одиночку не продержится здесь и пары дней. Ему оставалось лишь следовать за всеми.

— Места, что мы проходили, ровные как стол, зацепиться глазу не за что, — Цзян Липин повернулся к Ли Цинжюю. — В такой снегопад всё занесет вмиг, заблудиться — раз плюнуть. Брат, ты что скажешь?

— Лучше уходить пораньше, — согласился Ли Цинжуй. — Края эти нам неведомы, осторожность лишней не будет.

К наступлению ночи снегопад не только не утих, но и разошелся пуше прежнего.

Не прошло и полдня, как слой снега снаружи вырос на несколько вершков.

В полной темноте Цзян Цун с товарищами срубили несколько деревьев и, не смыкая глаз всю ночь, принялись мастерить сани-волокуши.

Ли Цинвэню и говорить ничего не пришлось: Цзян Цун сам закрепил на одной из них два необработанных березовых бруса. Когда вернутся, их можно будет снять и пустить на дело.

Казалось, прошла целая вечность, но снаружи по-прежнему стояла непроглядная темень. Кто-то из людей запаниковал:

— Неладно это... По моим прикидкам, уже час Змеи должен быть, давно пора рассвети, а кругом тьма!

Многие выбежали наружу, задирая головы к небу сквозь пелену снежных хлопьев. Небо словно накрыли плотным саваном, лишь вдаль проступали тусклые свинцово-серые пятна.

Сугробы у палаток стали еще выше. Несмотря на безветрие, эта безмолвная снежная пустыня давила на душу, заставляя сердце сжиматься от дурных предчувствий.

Впервые столкнувшись с такой пугающей переменной погоды, люди притихли. Теперь никто не заикался о том, чтобы остаться подольше; все думали лишь об одном — как вернуться живыми.

Цзян Липин нахмурился, и Цзян Цун произнес:

— Нужно уходить сейчас, пока еще можно хоть как-то разобрать направление.

Стоило ему это сказать, как все принялись лихорадочно грузить добро на волокуши и с небывалой скоростью сворачивать палатки.

Мул, запряженный первым, шел впереди. Старина Сунь шагал рядом, высоко поднимая факел. Еще две волокуши тащили на канатах люди — их было много, так что можно было меняться в

любой момент.

Цзян Цун шел впереди, пытаясь отыскать дорогу. Ли Цинвэнь на этот раз не стал напрашиваться с ним: снег был слишком глубоким, путь отнимал все силы. Мальчик понимал, что должен беречь энергию и не становиться обузой в такой трудный час.

Когда они только шли к пограничному городу, колючий снег больно сек лица, но сейчас было хуже. Плотная снежная взвесь липла к глазам и забивала рот, вызывая удушье.

Стоило отстать всего на десяток шагов, и силуэт мужчины растворялся в белой мгле. Ли Цинвэнь чувствовал, как тревога гулко стучит в груди.

Мир вокруг превратился в угрюмое, неясное марево, подсвеченное лишь робким огнем факела. Старина Сунь время от времени выкрикивал что-то подбадривающее, и идущие следом крепче сжимали канаты, боясь отстать и согнуться в этой белизне.

Люди смутно понимали, что они поднимаются в гору, но этот склон казался бесконечным. Дыхание у всех стало тяжелым и хриплым.

И тут из темноты донесся голос Цзян Цуна:

— Мы вышли на наш старый след! Возвращаемся той же дорогой!

Этот выкрик вдохнул в людей надежду. Сейчас уверенность в том, что они не плутают кругами, была важнее всего на свете.

Ли Цинвэнь знал, что страх пожирает силы быстрее голода. Он заставил себя сосредоточиться и принялся мысленно считать овец, пытаясь отгородиться от враждебного мира снаружи.

Никто не знал, сколько они шли, но усталость навалилась на всех разом. Продвигаться вслепую через сугробы было изнурительно и для тела, и для духа. Голод впивался в желудки.

Цзян Липин не стал гнать людей до изнеможения и приказал сделать привал, чтобы перекусить.

Цзян Цун наконец вернулся из головы колонны. Он откуда-то достал пеньковую веревку, привязал один конец к левой руке Ли Цинвэня, а другой передал Ли Цинжюю.

В такую погоду потеряться — значит обречь себя на верную смерть.

Ли Цинвэнь с тревогой заглянул ему в лицо:

— Брат, как ноги? Держат еще?

— Всё в порядке.

Цзян Цун достал из-за пазухи сверток из промасленной бумаги — мясо еще сохранило крохи тепла. Он вытащил кусок крольчатины и вложил в рот мальчику.

— Если не сможешь идти — не терпи, крикни. Тогда все остановимся и передохнем. Снег неизвестно когда кончится, так что спешка нам ни к чему.

Ли Цинвэнь шмыгнул носом и коротко кивнул.

Мужчина потер воспаленные от напряжения глаза и принялся быстро есть.

Закончив скудную трапезу, они снова двинулись наперекор стихии. Понемногу вокруг начало светлеть, но когда люди смогли разглядеть окружающие их снега, радости это не принесло.

Куда ни кинь взгляд — везде была лишь слепящая белизна. Не было видно ни гор, ни лесов, ни единой былинки...

С неба всё так же сыпалось белое пшено, а под ногами разверзлись такие сугробы, что в них можно было утонуть по пояс. Казалось, небо и земля превратились в исполинский белый гроб, замурававший их внутри.

Они шли, пока были силы, замирали на краткий отдых и снова упорно месили снег. Тела онемели от холода, чувства притупились.

— А ну, взбодритесь! — зычно выкрикнул Цзян Липин. — Дышите громче, чем вола на пахоте! Совсем размякли в дороге, вернусь — заставлю всех тренироваться вдвое больше! Мы когда сюда шли, на охоту много времени тратили, а назад пойдем напрямиком — быстро до лагеря доберемся!

Поравнявшись с Цзян Цуном, тот тихо спросил:

— Как глаза? Видишь еще?

— В норме, — привычным ровным тоном отозвался собеседник, опуская веки, чтобы скрыть налившееся кровью глаза. — Давай ставить палатку здесь. Люди на пределе, долго не протянут.

Командир коротко бросил «хорошо» и отправился в хвост колонны передать приказ.

Все облегченно вздохнули, и только на лице старшего брата Цзяна застыла тень глубокой тревоги.

Когда все укрылись в палатке, Ли Цинвэнь не нашел там Цзян Цуна. Он уже собрался выйти наружу, но Ли Цинчжо преградил ему путь:

— У брата Цзяна и остальных есть дела, им нужно всё обсудить.

Ли Цинвэнь понимал: время сейчас тяжелое, и мешаться под ногами не стоит.

Он набрался терпения и отсчитал про себя пять тысяч чисел, но в конце концов не выдержал. Он не собирался ни о чем расспрашивать защитника, просто ему нужно было увидеть его, чтобы на душе стало спокойнее.

Ли Цинвэнь разыскал Цзян Липина, но тот, не дав ему вставить и слова, приложил палец к губам.

Отведя мальчика в сторону, командир шепотом сообщил, что Цзян Цун ушел на разведку. Юноша едва не взорвался от негодования.

— В такую погоду ты отпустил его одного?! — прошипел он сквозь зубы.

— Одному ему легче действовать, — ответил собеседник. — Ты должен верить в своего брата.

Эти слова мгновенно сбили спесь с Ли Цинвэня. Если бы он сам был ловким и сильным, Цзян Цуну не пришлось бы тратить силы на заботу о нем, и они могли бы вместе преодолеть невзгоды, а не как сейчас — сидеть и изнывать от неизвестности.

Видя его отчаяние, Цзян Липин добавил:

— Не зря Цзян Цун беспокоился, что ты начнешь геройствовать. Тебе ведь всего тринадцать, сынок. Подожди, пока крылья окрепнут, прежде чем пытаться взлететь под облака.

Ли Цинвэнь промолчал, но в глубине души он страстно желал повзрослеть прямо сейчас.

— Он немного сбился с пути, ему нужно отойти подальше, чтобы уточнить дорогу. Не волнуйся, он скоро вернется, — спокойно произнес командир, хотя у самого сердце было не на месте.

Несмотря на то что их отряд лишился части груза при переправе через реку, эти люди не раз охраняли важных сановников и ценные сокровища. Они были лучшими из лучших — быстрыми,

сметливыми и закаленными в боях. Но с такой ловушкой природы они столкнулись впервые.

Кто же мог знать, что снег повалит стеной и не будет ему конца!

В этих краях и так не было ни гор, ни приметных деревьев, а теперь, под толстым снежным одеялом, и вовсе всё исчезло — ни севера не разобрать, ни юга.

Худшее, что можно сделать, потеряв дорогу, — это метаться в панике, растрачивая остатки сил. Вместо того чтобы пугать всё стадо горькой правдой, лучше было тихо отправить разведчика.

Поэтому, когда Цзян Цун сам вызвался пойти, Цзян Липин согласился.

Пока юноша изнывал от тревоги, Цзян Цун кружил по бескрайней снежной равнине. Наконец в этой мрачной белизне он нашел то, что искал, и немедленно повернул назад.

Люди в палатке воспользовались передышкой, чтобы забыться сном. Ли Цинвэня же лихорадило, сон не шел. Он во все глаза смотрел на выход, за которым бесконечно падал снег.

«Если досчитаю еще до пяти тысяч и он не вернется — пойду искать сам!»

Едва мальчик принял это решение, как снаружи послышался шум. Он сорвался с места быстрее кролика и увидел Цзян Цуна, с ног до головы облепленного снегом. Сердце с гулким стуком наконец-то вернулось на свое место.

Ли Цинжуй и остальные тоже догадывались, что происходит, и не спали, дожидаясь возвращения. Увидев его, продрогшего до костей, они поспешно затащили его внутрь.

Раз он вернулся живым и невредимым, Ли Цинвэнь и спрашивать ни о чем не стал. Заставив Цзян Цуна греть руки, он принялся стаскивать с него обледеневшие кожаные сапоги. Сняв мокрые чулки, мальчик обхватил холодные ступни ладонями и принялся их растирать.

Ли Цинжуй взялся за вторую ногу.

Ступни были холоднее льда. Боясь повредить кожу и усугубить обморожение, юноша действовал осторожно и лишь спустя долгое время почувствовал, как к ногам возвращается тепло.

Промерзнув до костей, Цзян Цун старался держаться подальше от открытого огня. Он коротко кивнул Цзян Липину.

Хоть направление и было найдено, перед ними встала новая беда — голод. В такой снегопад об охоте нечего было и думать, а припасы мяса на волокушах подошли к концу.

К счастью, на полпути снег немного поутих, и голодать долго не пришлось. Они добрались до старой землянки-диинцзы, которая была занесена сугробами так, что виднелся лишь кончик крыши. Откопав припрятанную там еду, которую они оставили раньше, чтобы облегчить груз, люди наконец смогли утолить голод.

Проведя в борьбе с глубокими снегами еще несколько изнурительных дней, отряд наконец вернулся в лагерь.

<http://bllate.org/book/15828/1439473>